

Отъ Москвы до Берлина въ 1920 году*

Р. Донскаго

Польской часовой подвель цасть къ воротамъ избы и черезъ нѣсколько минутъ меня пригласили войти. Мать взяла тебя на руки, и мы направились черезъ дворъ къ крылечку. Бабка же осталась сидѣть въ саняхъ. Чистая, просторная изба была перегорожена пополамъ занавѣской. Передъ занавѣской жили солдаты, за пею — офицеры. Насъ сейчасъ же провели въ офицерское отдѣленіе. Тамъ стоялъ столъ, покрытый чистой скатертью, диванъ и двѣ кровати. Въ углу былъ грамофонъ. На столѣ горѣла хорошая керосиновая лампа. Было чисто и почти уютно. На диванѣ за столомъ сидѣлъ молодой, очень красивый поручикъ, бритый съ бачками, слегка женственныи, напоминающій Онѣгина. Два подпоручика сидѣли у того же стола на стульяхъ. Поручикъ попросилъ насъ сѣсть и спросилъ, какіе у насъ есть документы. Я подалъ ему толстую пачку, и онъ началъ просматривать ихъ. А ты тѣмъ временемъ, стоя на колѣняхъ у матери, легъ животикомъ на столъ, и не успѣли мы оглянуться, какъ ты схватилъ лежавшій передъ поручикомъ заряженный револьверъ. Раздался всеобщій хохотъ. Поручикъ, обезоруживъ тебя, поманилъ къ себѣ. Ты радостно и довѣрчиво протянула къ нему рученки и потянулся къ погонамъ. Дальнѣйшій просмотръ бумагъ онъ велъ уже, держа тебя на колѣняхъ, и ты все время ощупывала его шитье на воротникѣ, пуговицы и погоны. Бумаги были просмотрѣны быстро.

— Значитъ Вы — профессоръ, а это ваша супруга? — спросилъ поручикъ, указывая на мать.

— Нѣть, это племянница.

— А гдѣ же ваша супруга?

— Она въ саняхъ.

— Такъ пригласите же, распорядился поручикъ, и подавайте чай.

Когда бабка вошла и увидѣла чистую обстановку, вѣжливыхъ, воспитанныхъ офицеровъ и тебя на рукахъ у поручика, она чуть не расплакалась.

— Господи, наконецъ-то мы понали къ культурнымъ людямъ! воскликнула она.

Офицеры радостно раскланивались. Подали чай съ сахаромъ и съ чудеснымъ хлѣбомъ, и начались разспросы про Москву. Поражались цѣнамъ

* См. Архивъ. Т. I

и звѣриному образу жизни, который мы вели. Мы въ свою очередь разспрашивали о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и удивляли ихъ своей неосвѣдомленностью. Для насть явились неожиданностью регулярная польская армія. Мы разспрашивали о ея организації, о порядкѣ назначенія офицеровъ, о дисциплинѣ.

— Такъ значитъ у васъ уже организованное государство? — удивлялся я.

Они смеялись. Для насть явилось новостью присоединеніе къ Польшѣ Галиції и Восточной Пруссіи. Мы не знали, кто президентъ республики и т. д. Появились на столѣ газеты и иллюстрированные журналы, на которые я набросился съ жадностью. Бесѣда шла милая и непринужденная. Написали письма въ Москву, которыхъ офицеры обѣщали отправить.

Послѣ чая завели для тебя грамофонъ, и ты окончательно ошеломлъ отъ восторга: визжалъ, прыгалъ, бѣгалъ по комнатѣ и, какъ только грамофонъ замолкалъ, требовалъ повторенія.

— Искро! просилъ ты.

Офицеры забавлялись съ тобою, угождали тебя шоколадомъ, носили на рукахъ, словомъ, ты былъ героемъ дня. Затѣмъ приступили къ обыску. Вещи осматривали подробно, но дѣлали все это въ такой формѣ, что никакого чувства обиды у насть не было. Къ тому же въ теченіе всего обыска не умолкалъ грамофонъ. Освѣдомились, есть ли со мной деньги и брильянты. Я вынулъ все, что было. Они сочли деньги и вернули все. Полюбовались бабинными вещами, похвалили ихъ, и тоже вернули. Къ десяти часамъ все было кончено, намъ подали подводы, снабдили насть на дорогу саломъ и хлѣбомъ, и мы простились съ этими милыми людьми. Это было первое свѣтлое впечатлѣніе отъ Польши. Первое и послѣднее, ибо дальнѣшее отношеніе стало уже совсѣмъ инымъ, и мнѣ частенько въ дальнѣйшемъ приходилось вспоминать милаго и радушнаго поручика съ передовыхъ позицій.

* * *

Съ позицій мы въ сопровожденіи солдата поѣхали въ штабъ батальона. Погода стояла теплая, и шелъ мокрый снѣгъ. Ты снѣгъ подъ щубой, а мы съ бабкой достали сало и хлѣбъ и жадно набросились на ёду. Хлѣбъ былъ ситный, чудесно выпеченный, а сало копченое, настоящее польское. Мы уплетали все это за обѣ щеки и подъ вліяніемъ ласковаго приема на позиціяхъ готовы были выскочить изъ саней и начать танцевать. Насть доставили въ штабъ батальона въ сосѣдней деревнѣ.

Приняли насть офицеры, которымъ деньщикъ при насть подалъ чай съ хорошимъ ситнымъ хлѣбомъ, густо намазаннымъ масломъ. Вся эта картина, — чистые воспитанные офицеры, которымъ такие же чистые солдаты приносили вкусныя ситные вещи, прекрасное обмунированіе, сапоги, ремни на ружьяхъ, ситый видъ солдатъ, ситая крестьянскія лошади, — все это прямо ошеломляло насть, и намъ казалось, что мы спимъ и видимъ прекрасный сонъ. Офицеръ быстро сдѣлать отмѣтки на бумагѣ, выданной намъ поручикомъ, и сейчасъ же послать насть дальше въ штабъ полка. Когда мы вышли изъ канцеляріи, насть встрѣтилъ мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати въ солдатской формѣ, котораго мы видѣли въ избѣ у поручика. Оказалось,

что бабка забыла свою шапку и ее памъ прислали. Хотѣли дать мальчугану на чай, но онъ отказался, гордо заявивъ:

— Польскіе солдаты на чай не беруть.

А потомъ мы узнали, что онъ потребовалъ за доставку вещей съ нашихъ попутчиковъ Д.

Когда мы проѣзжали окопицу, въ лицо намъ дунулъ какой-то странный короткій порывъ вѣтерка, и въ то же время что-то свиснуло и смокнуло. Лошадь шарахнулась въ сторону, а везшій нась крестьянинъ обругался. Оказалось — шальная пуля. Впослѣдствіи изъ разспроса офицеровъ я понялъ, что она пролетѣла у самыхъ нашихъ головъ не больше чѣмъ въ аршинъ.

Къ вечеру мы были въ штабѣ полка и заночевали въ хорошей избѣ. Сначала поужинали на славу чудеснымъ картофелемъ со свѣжайшимъ масломъ и густой сметаной, а потомъ легли всѣ въ рядъ на полу на душистомъ сѣнѣ и заснули послѣ всѣхъ передрягъ, какъ убитые. Хозяева легли позже нась и, не смущаясь кучами сѣна, все время жгли лучину, которую вставляли въ забитыя просмоленной паклей щели между бревнами. Приходилось только удивляться тому, какъ сравнительно рѣдко горятъ русскія деревни.

Часовъ въ 6 утра я проснулся отъ бьющаго мнѣ въ глаза свѣта. Открываю глаза и вижу картину. Въ очагѣ ярко пылаетъ куча дровъ, и при свѣтѣ этого костра прядетъ женщина. Я и не подозрѣвалъ до того, что въ избахъ костры замѣняютъ лампу, и только слышать о лучинѣ.

Часовъ около десяти намъ выписали въ канцеляріи пропуски до Борисова, мы снова сѣли на подводы и тронулись. Въ Борисовъ прибыли часамъ къ четыремъ дня.

Здѣсь нась постигло первое разочарованіе. Принялъ нась какой-то хулиганъ, подхорунжій, который началъ мнѣ читать нотаціи на ту тему, что мнѣ нужно было сидѣть въ Москвѣ и заниматься организаціонной работой.

— Я вѣсъ пошлю въ Смолевичи, закончилъ онъ, а оттуда вѣсъ несомнѣнно отправятъ обратно въ Россію.

На попутчиковъ онъ накричалъ самымъ неприличнымъ образомъ.

Насъ подъ конвоемъ отправили въ гостинницу, откуда мы не имѣли права отлучаться. Выѣхать въ Смолевичи мы должны были утреннимъ поѣздомъ. Гостинница оказалась гнусной нетопленной дырой. Хозяева евреи отвели лучшую комнату Д., къ которому сейчасъ же привели парикмахера. Намъ дали холодный закутъ. Но потомъ, когда тебя увидѣла дочка хозяйки, милая евреечка, она не выдержала и уступила тебѣ съ матерью и бабкой свою комнату, а меня устроили въ столовой. Хозяйка пошла куда-то за обѣдомъ, а сынъ ея, гимназистъ, сѣгаль въ лавочку и принесъ французскихъ булокъ, которыхъ мы не ъли уже не сколько лѣтъ, печенья и варенья. Мы пообѣдали на славу, и выпили чаю такъ, какъ не пили его уже очень давно. На душѣ было очень скверно, но французская булка скрашивала многое. Къ сыну хозяйки пришелъ товарищъ и началъ давать всякие совѣты, какъ выбраться въ Германію. Того, что нась отошлютъ въ Россію, онъ совершенно не допускалъ. Но о польскихъ порядкахъ рассказалъ столько ужасовъ, что окончательно убилъ нась. Съ его словъ выходило, что польскіе жандармы — та же Московская чрезвычайка.

Въ восемь часовъ уложили тебя и ты быстро уснуль, а за тобой начали устраиваться на почлегъ и мы. Но въ девять пришелъ подхорунжій и велѣль собираться.

— Поѣздъ идеть въ одиннадцать часовъ, сказалъ онъ.

Пришлось тебя будить и одѣвать соннаго. Ты немного похныкалъ, но быстро успокоился. Вообще, я до сихъ поръ поражаюсь той стойкости, съ какою ты вынесъ путешествіе. Вѣдь ты былъ совершенно выбитъ изъ коленъ, будили тебя въ самое неожиданное время, спать тебѣ приходилось въ шубѣ на саняхъ, и хоть бы одинъ разъ ты поревѣлъ, какъ слѣдуетъ. Похнычешь, бывало, немного, а потомъ жалобнымъ голосомъ попросишь:

— Сосю!

Мать вытащить соску изъ-подъ повязки на ракенной рукѣ, куда она ее прятала, какъ въ самое чистое мѣсто, вставить тебѣ въ ротъ, ты раза два прочмокнешь — и успокоишся.

Бѣсто двухъ подводъ намъ подали одну для вещей и предложили идти на станцію пѣшкомъ. «Рогатаго» пришлось бросить. Бабка съ тобою кое-какъ примостилась въ сани, а мы съ матерью пошли за санями. Стояла оттепель, на улицахъ было темно, и мы поминутию попадали въ лужи. До вокзала добрались съ промокшими ногами. Усѣлись въ пустомъ залѣ на вещахъ, конвойные легли на столахъ и захрапѣли. Спрашиваю, когда отойдѣть поѣздъ — никто не знаетъ. Ты разгулялся, и мы рѣшили тебя не класть спать. И потянулась ночь. Ты бѣгалъ по вокзалу и забавлялся тѣмъ, что открывалъ и запиралъ входную дверь.

Миѣ было ужасно жалко «Рогатаго» и я послалъ въ гостиницу двухъ носильщиковъ съ санками, которые черезъ полтора часа доставили его на вокзалъ.

Часы бѣжали томительно долго, а поѣзда все не было. Стало свѣтать — поѣзда иѣть. Наконецъ и день насталъ — поѣзда иѣть. Только въ двѣнадцатомъ часу дня подали его. Негодяй подхорунжій просто захотѣлъ поиздѣваться надъ нами и заставилъ просидѣть ночь на вокзалѣ. Поѣздъ былъ изъ товарныхъ вагоновъ безъ печей. Ноѣхать до Смолевичей было, къ счастью, немногимъ больше двухъ часовъ.

* * *

*

Въ Смолевичахъ носильщиковъ не было и веци пришлось тащить на себѣ. Пока я ихъ перенесъ въ вокзалъ, а оттуда на подводу, и пока мы доѣхали до «контрольной станціи», расположенной въ полувыгорѣвшей деревнѣ, уже начало смеркаться. Въ «контрольной станціи» (въ контрь-развѣдкѣ) настѣ принялъ галиційскій жандармъ съ иѣмецкой повадкой и чисто польской психологіей. Отъ соединенія этихъ двухъ несоединимыхъ началъ получилось иѣчто въ высокой степени сумбурное, къ тому же еще сдobreинное врожденной личной тупостью. Допрашивалъ онъ меня часа два, и на допросѣ выяснилось, что я сдѣлалъ непростительную ошибку. Переходя границу, я не уничтожилъ своихъ совѣтскихъ документовъ. Они были настолько курьезны, что я рѣшилъ сохранить ихъ на память. Жандармъ же рѣшилъ, что разъ я ихъ сохраняю, значитъ, я намѣреваюсь вернуться въ Россію, то-есть другими словами, что я большевистскій шпіонъ. Тщетно совалъ я ему свой дипломъ, царскій послужной списокъ, attestать

о службѣ отца. Онъ на нихъ не обращалъ никакого вниманія и весь ушелъ въ созерцаніе моихъ двухъ «мандатовъ» и прочихъ нестоющихъ бумажекъ, изъ которыхъ явствовало, что я важная персона, коей власти должны оказывать всяческое содѣйствіе. Моимъ утвержденіемъ, что все это сочи-нялъ я самъ, онъ не вѣрилъ. Промучивши меня около двухъ часовъ, онъ приступилъ къ личному обыску, который онъ провелъ въ такой оскорбительной формѣ, что я не выдержала и заплакала. Сказалось напряженіе первовъ цѣлой недѣли и безсонная ночь въ Борисовѣ. Обыскъ вещей былъ отложенъ до слѣдующаго дня за позднимъ временемъ. Деньги и документы жандармъ отобралъ. На мой вопросъ, что съ нами будетъ, онъ отвѣтилъ:

— Пока арестъ. Изъ уваженія къ вашимъ годамъ я оставляю васъ въ канцеляріи, хотя долженъ былъ бы отправить въ арестантскую. Завтра я доложу генералу и мы, вѣроятно, отправимъ васъ въ Россію.

— Неужели же настѣ не пропустятъ въ Германію? — спросила я.

— Ни въ коемъ случаѣ. Нѣмцы наши враги. И мы не пропустимъ человѣка, котораго считаемъ большевикомъ, проѣхать черезъ всю Польшу и разсказать нѣмцамъ, что онъ здѣсь видѣлъ.

— Ну тогда въ Чехію или Литву?

— Чехи и Литовцы тоже наши враги.

— Что за чортъ, подумалъ я, люди едва успѣли основать собственное государство и уже со всѣми сосѣдями поссорились. Вотъ такъ мышеловка.

Съ тяжелымъ сердцемъ начали мы устраиваться на почту. Въ нашемъ распоряженіи было двѣ нетопленыхъ комнаты деревенского домика. Мебель составляли три стола, диванъ и нѣсколько стульевъ. На одинъ изъ столовъ уложили тебя, а на другомъ бабка начала готовить ужинъ. Изъсосѣдней еврейской лавочки принесли самоваръ, французскихъ булокъ, плюшечъ, колбасы, молока и какао. На московский масштабъ получилось настоящее пиршество.

Какъ ни тяжело было на душѣ, но когда я отхлебнула изъ стакана душистаго какао и откусилъ кусокъ горячей плюшки, я забыла всѣ невзгоды.

— Пускай, думалъ я, настѣ отправляютъ, куда угодно. А какао съ плюшкой я все-таки пью!

Когда я кончалъ второй стаканъ, вошелъ нашъ жандармъ въ сопровождении молоденькаго офицера и познакомилъ настѣ.

— У поручика въ Смоленскѣ сестра, и онъ хотѣлъ разспросить васъ, нельзя ли ее какъ-нибудь вывезти.

Вновь пришедший просидѣлъ у настѣ около часа. О сестрѣ онъ предложилъ нѣсколько вопросовъ больше для проформы, а затѣмъ сталъ съ большимъ интересомъ разспрашивать о томъ, какъ намъ жилось въ Москвѣ. Тонъ у него быть не только сочувственный, а даже и ласковый. Онъ старался оправдать жандарма.

— Вы не можете представить себѣ, сколько къ намъ подъ видомъ бѣженцевъ єдетъ шпіоновъ. Но, что вы не шпіонъ, выяснится очень скоро. Увѣряю васъ, что завтра къ вамъ будетъ уже совершенно иное отношеніе.

— Значить, обратно не отошлютъ?

— Объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. Мы даже простыхъ уголовныхъ преступниковъ не выдаемъ.

Я былъ очень удивленъ такимъ добрымъ отношеніемъ ко мнѣ и понялъ его нѣсколько позже, когда научился разбираться въ формахъ польской

армін. Со мною говорилъ врачъ и, вѣроятно, одинъ изъ моихъ учениковъ. Почему онъ не назвалъ себя, не понимаю. Вѣроятно, это была причуда жандарма.

Немного успокоенные этимъ разговоромъ, мы устроились на ночь. Я легъ, не снимая шубы, на диванъ, а мать съ бабкой устроились на полу. На другой день утромъ пришелъ жандармъ и сказалъ, что дивизіонный генераль желаетъ говорить со мною. Мы сѣли въ сани и поѣхали черезъ мѣстечко. Оно было почти все разрушено. Вдоль улицы торчали лишь печные трубы и только кое-гдѣ попадались домики. Штабъ помѣщался на окраинѣ мѣстечка въ противоположномъ концѣ. Дорогой жандармъ бесѣдовалъ со мной уже совершенно инымъ тономъ. Величалъ меня Негг Professor (мы говорили по-нѣмецки) и удивлялся моей смѣлости.

— Перейти фронть съ двумя женщинами и съ ребенкомъ вѣдь это не шутка!

Секрета этой перемѣны въ отношеніи я тогда еще не понималъ и быть ей нескончанно удивленъ.

Генераль жилъ въ хорошемъ помѣщичьемъ домѣ съ садомъ. Принялъ онъ меня очень корректно и заговорилъ по-польски. Я обратился къ нему по-нѣмецки, онъ по-польски же отвѣтилъ, что онъ не понимаетъ. Тогда я сказалъ ему по-французски, что я, къ сожалѣнію, не говорю по-польски. Генераль улыбнулся.

— Тогда проще всего говорить по-русски, сказалъ онъ. Вѣдь я русскій кадровый офицеръ.

Я выразилъ свое удивленіе, что меня приняли за большевика.

— Развѣ шпіоны Ѵздрать съ семьями и дѣтьми?

— Параличными больными представляются.

— Но мігъ кажется, что ваши сомнѣнія разсѣиваются?

— Въ значительной мѣрѣ. Я отошлю васъ въ Минскъ въ распоряженіе корпуснаго командира. Но вамъ придется подождать поѣзда съ польскими заложниками. Онъ уже на границѣ и придетъ не сегодня, завтра. Вамъ будетъ удобнѣе. Для заложниковъ приготовлены бараки. Къ тому же съ вами значительная сумма денегъ, и я боюсь довѣрить ее солдату, а офицера дать вамъ не могу.

Домой я вернулся пѣшкомъ одинъ. Въ канцеляріи я засталъ нашихъ попутчиковъ Д., на которыхъ неистово кричалъ жандармъ.

— Польские жиды и не говорять по-польски! Я вамъ покажу!

М-мъ Д. сидѣла забившись въ уголъ дивана, а самъ Д. стоялъ посреди комнаты блѣдный, дрожащий и срывающимъ голосомъ твердилъ:

— Я же не изъ Польши, я изъ Москвы.

Изъ сосѣдней комнаты выскочилъ пожилой офицеръ съ явно семитскимъ лицомъ (онъ былъ тоже въ формѣ врача) и, поднеся кулакъ къ самому лицу Д., обратился къ жандарму.

— А ты дай ему попробовать вотъ этого, — живо заговорить по-польски!

Увидѣвшіи меня, они бросили мучить несчастныхъ Д. и пригласили меня въ сосѣднюю комнату, кабинетъ жандарма, гдѣ меня наканунѣ допрашивали и обыскивали. Жандармъ выложилъ мои документы, а еврейскій ренегатъ принялъ ихъ осматривать.

— Дипломъ — подлинный, послужной списокъ тоже, дать онъ заключеніе.

Потомъ немного подумалъ и обратился ко мнѣ.

— Кто въ 1909 году былъ профессоромъ анатоміи въ Москвѣ?

— Штатнымъ Карузинъ, а заслуженнымъ Зерновъ.

— А прозекторомъ?

— Либо Алтуховъ, либо Стопницкій, я не помню точно, когда умеръ Алтуховъ.

— Вѣрно.

— Вы врачи?

— Нѣть, я инженеръ. Но вращался въ Москвѣ во врачебныхъ кружахъ.

И онъ поспѣшилъ откланяться. Начался обыскъ вещей. Со стороны солдатъ отношеніе тоже рѣзко измѣнилось. Наканунѣ я самъ втаскивалъ свои чемоданы. Теперь же они мнѣ не давали этого дѣлать. Въ большое смущеніе привелъ жандарма «рогатый».

— Что это такое? — удивлялся онъ, разматривая кусочки гипса.

Я, какъ могъ, объяснялъ ему мотивы, заставившіе меня взять съ собой форму. Но онъ плохо мнѣ вѣрилъ.

— И эту штуку вы протащили съ собой черезъ половину Европы? Но вѣдь здѣсь можетъ быть задѣлано все, что угодно: золото, брильянты, большевистскія прокламаціи.

— Если вы сомнѣваетесь, разбейте нѣсколько кусковъ. Но я только прошу васъ сдѣлать это осторожно, чтобы ихъ можно было склеить.

Видѣлъ у меня быть, вѣроятно, ужъ очень огорченный, ибо жандармъ, подумавъ, спросилъ меня:

— Вы даете честное слово, что въ формѣ ничего не спрятано?

— Даю.

— Тогда Богъ съ вами. Я обязанность свою выполнилъ достаточно добросовѣстно.

Онъ сѣлъ писать протоколь, а я вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Вы гдѣ ночевали? — спросили меня Д.

— Въ капцеляріи. А вы?

Онъ хотѣлъ, было, отвѣтить, но къ ней уже вернулась ся болотность.

— Въ комендатурѣ, поспѣшила она сказать.

Потомъ студентъ изъ Вильны рассказалъ мнѣ, что это была за «комендатура». Вши въ ней ползали мириадами по стѣнамъ и по полу, и они простояли всю ночь, стараясь не прислоняться къ стѣнѣ.

Я поспѣшилъ порадовать мать и бабку разговоромъ съ генераломъ. Полагая, что сейчасъ опять начнутъ допрашивать Д., я рѣшилъ лучше избавить себя отъ присутствія при этой омерзительной картинѣ и обратился къ вахмистру, который наканунѣ меня обыскивалъ.

— Мнѣ хочется вывести ребенка на воздухъ. Вы бы не могли меня сопровождать?

— Но панъ профессоръ не арестованъ. Опѣ можетъ идти, куда угодно.

Я не заставилъ себѣ повторять этого, одѣль тѣбя и мы вышли. Морозъ былъ крѣпкій, но день солнечный. Напротивъ была жалкая еврейская лавчена. Я смотрѣлъ на нее и думалъ.

— Неужели я могу зайти туда и совершию открыто купить все, что захочу, безъ всякихъ разрѣшений главковъ и губкомовъ?

Черезъ минуту я впервые въ твоей жизни положилъ тебѣ въ ротъ кусочекъ шоколада, ты пожевалъ его перѣштельно, потомъ поморщился и выплюнуль. Мы постояли среди выгорѣвшей пустой улицы.

— Чипка! Радостно скривилъ ты свою рожицу.

Я оглянулся. Недалеко отъ насъ присѣли двѣ вороны. Двери контрольной станціи открылись и на улицу вышли Д. Роскошная доха ея обмокла и выглѣдѣла совсѣмъ жалко. Онъ согнулся подъ тяжестью двухъ чемодановъ.

— Ну что, отпускаютъ васъ? — спросилъ я.

— Нѣть, допросъ будеть вечеромъ. Пока мы идемъ опять въ комендатуру.

И онъ, спотыкаясь, зашагалъ вдоль улицы со своими чемоданами. За ними индѣйскимъ пѣтухомъ выступалъ конвойный. Мучили ихъ еще три дня, каждое утро и вечеръ гоняя съ чемоданами черезъ все мѣстечко изъ арестантской въ контрольную станцію и обратно. Въ результатѣ несчастный Д. черезъ двѣ недѣли заболѣлъ въ Минскѣ сыпнымъ тифомъ.

Вернувшись въ канцелярію, я спросилъ вахмистра, кто такой офицеръ, осматривавшій мои бумаги. Онъ назвалъ чисто еврейскую фамилію.

— Онъ врачъ?

— Нѣть, кажется, инженеръ.

Недѣли черезъ три, зайдя въ Минскѣ въ аптеку, я увидѣлъ его бесѣдующимъ съ аптекаремъ. Мы поздоровались.

— Вы въ отпуску? — спросилъ я.

— Нѣть, въ командировкѣ по дѣлу о топографическихъ съемкахъ.

* * *

*

День прошелъ тоскливо. Обѣдать мы ходили въ «ресторанъ» Р., гдѣ насъ накормили незатѣйливо, но вкусно и сытно. Надѣялись, что къ почи придется побѣздѣ заложниковъ. Но жандармъ нашъ, уходя вечеромъ изъ канцеляріи, сказалъ, что сегодня побѣзда не будетъ. Опять пришлось укладываться на грязномъ полу истопленной канцеляріи. Такъ же, какъ и вчера, еврейка, снабжающая насъ самоварами, принесла матрацы, и мы легли на этотъ разъ всѣ вмѣстѣ въ одной комнатѣ. Утромъ жандармъ сообщилъ, что побѣздѣ почему-то задерживается большевиками, и что намъ придется прожить въ Смолевичахъ нѣсколько дней. Я рѣшилъ попытаться устроиться въ ресторанѣ у Р., ибо условія жизни въ грязной нетопленной канцеляріи были совершенно невыносимы, и пошелъ упрашивать Р. впустить насъ. Р. оказался очень милымъ и добрымъ, но крайне безтолковымъ человѣкомъ. Добиться отъ него какого-нибудь опредѣленіаго отвѣта было немыслимо. Ресторанъ его состоялъ изъ буфета, столовой и «отдѣльнаго кабинета», затѣмъ шла комната, въ которой жилъ онъ самъ съ женой, и кухня. Я нацѣлился на «отдѣльный кабинетъ» — комнату $4\frac{1}{2} \times 5$ арш., въ которой стояла рваная клеенчатая кушетка, небольшой столъ и два стула, и сталъ убѣждать сдѣть намъ ее. Оигъ соглашался, что жить съ ребенкомъ въ нетопленной канцеляріи тяжело, и охотно пустилъ бы насъ.

Но у него тесно. Къ тому же и офицеры, посещающіе ресторанъ, могутъ остаться недовольны. Разговоръ этотъ длился около часу, и я не могъ добиться отъ него никакого отвѣта. Дѣло закончилось довольно неожиданно.

— Ну, что ты голову морочишь, раздался изъ спальни голосъ жены Р. Видишь, людямъ дѣваться некуда — значить, нужно пустить.

Потомъ я узналъ, что у Р. недавно умеръ ребенокъ твоихъ лѣтъ, что она очень любить дѣтей, и что наканунѣ за обѣдомъ ты ее очаровалъ. Черезъ часъ мы были уже на новой квартирѣ. Она была далеко не комфортабельна, но сравнить съ канцеляріей ее было невозможно. Было тепло и чисто. Отъ матрацовъ мы отказались, ибо они были очень грязны, и спали прямо на полу, подостлавъ подъ себя шубы и одѣяла. (Въ комнатѣ было настолько тепло, что укрываться не было нужды). У Р. мы прожили шесть дней. Днемъ сидѣли больше въ буфетѣ и цѣлый день болѣли. Ты игралъ съ Троцкимъ, большими рыжими псомъ Р., и тебя было положительно невозможно вытащить изъ-за стойки, гдѣ было много вкусныхъ вещей — яблоки, печенья и пр. А г-жа Р. тщательно слѣдила, чтобы у тебя ротъ никогда не оставался пустымъ. Не успѣешь ты прожевать печенье, она уже суетъ тебѣ яблоко.

— Пускай болѣть мальчикъ. Наголодался въ Москву, отвѣчала она на всѣ наши протесты.

— Вѣдь онъ же заболѣть.

— Ничего, не заболѣть. Онъ ишь какой здоровенъ.

Такъ проходилъ день. Къ вечеру собирались офицеры. Мы запирались въ свою комнатку и начинали укладываться спать. Офицеры сидѣли обычно до часу ночи, ужинали, иногда играли въ карты. Вели они себя очень корректно.

Вечеромъ въ день переѣзда къ Р. я поймалъ у себя въ рукавѣ огромную вошь. Раздѣлся до гола и, о ужасъ! — бѣлье мое кишмя кишѣло огромными жирными звѣрями. Осмотрѣли тебя — тоже. У бабки и матери — тоже. Тутъ только вспомнили, что мы не раздѣвались шесть сутокъ. Какъ было возможно, вымылись, перемѣнили бѣлье. Но у меня не было чистой рубахи. Пришлось замѣнить ее вязанной кофточкой бабки. Въ этомъ необычномъ даже для совѣтской Россіи костюмѣ я провелъ полтора дня, пока стиралась моя рубашка. Завшивѣли мы настолько основательно, что два мѣсяца съ лишнимъ не могли избавиться отъ этихъ подлыхъ насѣкомыхъ.

На второй день нашего пребыванія у Р. приѣхала изъ Москвы одна дама и поселилась у насъ въ комнатѣ. А на пятый я уже не выдержалъ и отправился къ генералу просить отправить насъ въ Минскъ, не дожидалась поѣзда съ заложниками. Онъ, видимо, потерялъ вѣру въ то, что поѣздъ этотъ когда-нибудь придетъ, и быстро согласился. На слѣдующій вечеръ насъ погрузили на подводу и повезли на вокзалъ. Жандармъ нашъ провожалъ насъ, и всю дорогу подшучивалъ надъ долготериѣніемъ бабки, разрѣшившей мнѣ взять съ собой «рогатаго». Простились мы съ нимъ очень дружелюбно. И онъ еще разъ повторилъ, что очень удивляется моей храбрости. Сопровождалъ насъ вахмистръ, которому было приказано доставить насъ къ корпусному командиру, а всѣхъ остальныхъ нашихъ спутниковъ въ контррѣзвѣдку. Деньги остались къ кассѣ дивизіи. Поѣздъ состоялъ изъ нетопленныхъ товарныхъ вагоновъ. Но къ такимъ маленькимъ неудобствамъ мы

успѣли уже привыкнуть. На разсвѣтѣ мы были въ Минскѣ. До восьми часовъ просидѣли на вокзалѣ, а потомъ насъ отвезли въ канцелярію корпуснаго командира.

* * *

У корпуснаго командира мы просидѣли часа два, послѣ чего насъ отпра-вили въ контроль-развѣдку. Пока мы сидѣли, солдаты привели какого-то по-жилого еврея, и адъютантъ генерала неистово оралъ на него. Въ чёмъ провинился еврей, я не понялъ. Но его арестовали и отправили вмѣстѣ съ нами. Насъ посадили на извозчиковъ. Хотѣлъ взять извозчика и еврея. Но солдатъ не позволилъ и заставилъ его идти пѣшкомъ. Въ контроль-развѣдку мы нашли всѣхъ нашихъ попутчиковъ. Продержали насъ тамъ до сумерекъ, послѣ чего отпустили на частные квартиры съ обязательствомъ ежедневно являться «замельдовываться». Въ контроль-развѣдку меня поразила крайняя лѣни чиновниковъ. Никто абсолютно ничего не дѣлалъ. Офицеры слонялись съ дѣловымъ видомъ изъ комнаты въ комнату. Писаря флирто-вали съ двумя гнуснѣйше-бульварного вида дѣвицами, одѣтыми въ военную форму. И на то, чтобы выписать намъ десять пропусковъ для проживания въ гостиницѣ, у нихъ ушелъ цѣлый рабочій день. На стѣнахъ канце-ляріи висѣла масса объявлений и приказовъ съ огромнымъ задорно-изы-щеннымъ орломъ польского герба. Орель тебѣ очень понравился и тебя пельзя было оторвать отъ него.

— Пѣтушокъ, пѣтушокъ, радостию твердилъ ты, тыча въ него паль-чикомъ.

Когда смерклось, пошли искать номеръ въ гостиницѣ. Это была не-легкая задача, ибо большинство гостиницъ было реквизировано. Наконецъ, удалось найти отвратительную комнату въ грязной гостиницѣ. Но въ ней было двѣ кровати и диванъ. И это показалось намъ уже роскошью. На стѣнѣ висѣло объявление съ гербомъ. Увидѣвъ его, ты радостию взвизгнулъ — и тутъ пѣтушокъ!

Оставивъ вѣсъ въ номерѣ, я побѣжалъ къ Д. занять у нихъ денегъ, ибо у меня въ карманѣ осталось только четыре пятитысячныхъ краткосроч-ныхъ обязательства. Имъ посчастливилось найти номеръ въ одной изъ луч-шихъ гостиницъ. И я засталъ ихъ за обѣдомъ. Столовая напоминала третъеразрядный московскій трактиръ. На эстрадѣ фальшиво играло жалкое еврейское тріо. Но эта убогая обстановка послѣ совѣтской Москвы пока-залась мнѣ настоящей Европой. Перехвативъ у Д. пару «костюшекъ», я вер-нулся въ гостиницу и пошелъ съ бабкою купить чего-нибудь на ужинъ. Мы вышли на главную улицу. Горѣли фонари и окна лавокъ. Но улицѣ щѣдили извозчики. Правда, сиѣгъ бытъ не убрали, и улица была на аршинъ выше тротуара. Но мы этого не замѣчали. Послѣ мертвой Москвы намъ казалось, что мы попали въ столицу. А магазины! Вѣдь въ нихъ сво-бодно продавалась ветчина, колбасы, бѣлыи хлѣбъ, фрукты, сахаръ, фи-ники, миндаль и многое другое, о существованіи чего мы въ Москвѣ даже забыли. Накупивъ всякой всячины, мы пошли домой. У самой гостиницы насъ нагналъ патруль солдатъ. Одинъ изъ нихъ размахнулся и съ кри-комъ «жиidъ» ударилъ меня по шеѣ. Бабка попробовала его устыдить, но онъ подошелъ къ неї вилотиую и, осыпая ее площадной бранью, началъ

на нее замахиваться кулакомъ. Я поспѣшилъ увести ее. Такъ привѣтствовала свободная Польша русскаго ученика, всю жизнь не устававшаго возмущаться порабощенiemъ польского народа. Когда мы вернулись домой, отъ радостнаго настроения, овладѣвшаго нами въ магазинахъ, не осталось и слѣда.

* * *

*

На другой день я зашелъ въ аптеку разспросить о русскихъ врачахъ. Еврей-аптекарь указалъ мнѣ адресъ д-ра В., сказавъ, что онъ очень много дѣлаетъ для бѣженцевъ. Тотъ встрѣтилъ меня очень радостно и сейчасъ же ухватился за меня.

— У насъ основались медицинскіе курсы. Вы, конечно, отдохнете въ Минскѣ нѣсколько недѣль и прочитаете у насъ серию лекцій. Устроимъ Вамъ и публичную лекцію. Третьего дня Мережковскій имѣлъ огромный успѣхъ.

Оказалось, что Мережковскій живетъ въ Минскѣ уже вторую недѣлю и выѣхалъ точно также, какъ и мы. Меня очень беспокоилъ вопросъ обѣ отобранныхъ у меня деньгахъ. В. успокоилъ меня и сказалъ, что деньги несомнѣнно вернутъ. Насчетъ пропуска въ Германію онъ совѣтовалъ не заговаривать съ мѣстными властями, ибо на ъдушихъ въ Германію смотрятъ косо. По его мнѣнію, проще всего было проѣхать въ Варшаву и начать хлопотать о выѣздѣ уже тамъ. На всякий случай онъ обѣщалъ мнѣ достать отъ мѣстнаго общества врачей удостовѣреніе, что я имѣлъ въ Москвѣ лабораторію и библіотеку, ликвидациѣ которыхъ могла легко дать отображенную у меня сумму, и свидѣтельство о непричастности къ большевикамъ отъ польского врачебнаго инспектора. Обѣ бумаги я получилъ отъ него черезъ пару дней.

По возвращеніи домой я узналъ отъ матери, что она разговорилась въ магазинѣ съ русской дамой, оказавшейся женой д-ра Л., въ госпиталѣ котораго во время войны лежалъ раненымъ твой отецъ. Она обѣщала поднѣскать намъ квартиру. Обѣщаніе свое она исполнила и черезъ пару дней мы вырвались изъ отвратительной гостиницы, въ которую попали, и перенѣхали на окраину города въ небольшой деревянный домикъ, хозяйка котораго уступила намъ двѣ комнаты. Жизнь наладилась быстро, и мы отдохнули душой и тѣломъ. Хозяйка кормила насъ на славу, комнаты были теплые, свѣтлые, цѣлый день залитыя солнцемъ. Напившись утромъ чаю, мы отправлялись въ городъ «замельдовываться». Одна изъ бульварныхъ дѣвицъ въ военной формѣ отмѣчала насъ въ спискѣ и этимъ дѣло кончалось. Затѣмъ мы, пошатавшись по городу и сдѣлавъ кое-какія покупки, возвращались домой. Послѣ завтрака я обычно одѣвалъ тебя и мы выходили погулять по улицѣ. Морозъ стоялъ крѣпкій, но дни были солнечные, ясные. Затѣмъ тебя укладывали спать, а я садился подготовиться къ лекціи. Въ три обѣдали, а отъ четырехъ до шести у меня была ежедневная лекція. Въ семь пили чай и вечера проводили въ тѣсномъ семейномъ кругу. Иногда заходили къ намъ Л. и одна изъ ихъ родственницъ. Спать ложились рано. Настроеніе было бы совсѣмъ недурное, если бы не проклятый вопросъ о деньгахъ. Ихъ очень долго не высыпали изъ Смолевичей, и я все не могъ добиться опредѣленно, вернуть ли ихъ, или нѣтъ. Въ контрѣ-развѣдкѣ да-

вали уклончивый отвѣтъ. Говорили, что деньги за корпуснымъ командромъ. Черезъ Мережковскаго, который оказался въ большомъ фаворѣ у польскихъ властей, я обратился къ послѣднему. Тотъ завѣрилъ его, что деньги вернутъ, но не сразу, а опредѣлять, сколько мнѣ требуется на прожитіе и будутъ выдавать по частямъ. Это меня совсѣмъ не устраивало, ибо въ Польшѣ мнѣ оставаться отнюдь не улыбалось. Такъ меня мучили около двухъ недѣль. Въ одинъ прекрасный день, когда я явился замельдовываться, меня позвалъ къ себѣ офицеръ.

— Ваши деньги пришли. Потрудитесь расписаться.

Все свершилось такъ просто, что я даже не вѣрилъ случившемуся. И никакъ не могъ понять, зачѣмъ они меня мучили. Очевидно потребность покуражиться надъ слабѣйшимъ — национальная польская черта. Грубый, невоспитанный солдатъ удовлетворилъ этой потребности, ударивъ меня по шеѣ и обругавъ плохадными словами бабку. Воспитанный генералъ пускалъ въ ходъ болѣе культурные пріемы. Но психологія у обоихъ была несомнѣнно одна и та же.

Большинство населенія Минска состояло изъ русскихъ и евреевъ. Поляковъ было незначительное меньшинство и большая часть ихъ принадлежала къ администраціи и арміи. Держали они себя по отношенію къ коренному населенію совсѣмъ по-большевистски и управляли тѣми же самыми пріемами. Пожалуй, даже еще худшими. Ибо къ непроходимому невѣжеству, грубыстіи и жестокости большевиковъ присоединялась еще безмѣрная чванливость и самодовольство, лишавшая повояженныхъ администраторовъ малѣйшаго чувства самокритики.

Какъ шло дѣло въ канцеляріяхъ, я уже тебѣ сказалъ. То, что я видѣлъ въ контрь-развѣдкѣ, я встрѣчалъ и во всѣхъ другихъ канцеляріяхъ, въ которыхъ пришлось побывать. За то вѣнч часовъ службы новоиспеченные администраторы проявляли кипучую дѣятельность, которая сводилась главнымъ образомъ къ отравленію существованія коренного населенія. Все время, пока мы были въ Минскѣ, производились повальные обыски. Былъ тѣкой обыскъ и у нагиавшей нась въ Смолевичахъ москвички. Къ этому времени она успѣла получить пропускъ въ Варшаву. Его отобрали и сказали, что въ Варшаву ее ни въ коемъ случаѣ не пустятъ. Потомъ, промучивъ ее недѣлю, пропускъ вернули.

Въ большомъ ходу были принудительныя работы, которыя проводились такъ. Въ городѣ отправлялся военный отрядъ, который шелъ по улицѣ, хваталъ всѣхъ встрѣченыхъ и, не разбирая ни пола, ни возраста, отправлялъ на работу. Въ одну изъ такихъ облавъ чуть-чуть не попалъ и я. А одинъ изъ нашихъ спутниковъ, выйдя какъ-то изъ магазина на главной улицѣ, былъ схваченъ и цѣлый день грузилъ вагоны. Ходить по улицамъ приходилось съ опаской.

Недалеко отъ нашей квартиры были казармы. Когда тамъ замерзъ водопроводъ, солдаты стали ѳздить за водой въ нашъ дворъ. Работали они крайне небрежно, и вода лилась не столько въ ихъ бочку, сколько во дворъ, такъ что онъ сразу превратился въ ледяной катокъ. И не столько они работали, сколько грѣлись въ кухнѣ, хватая все, что заслагоразсудится. На протесты хозяйки они отвѣчали непечатными ругательствами, среди которыхъ «большевистская курва» звучало почти ласкатительно. Недѣля, пока у нихъ чинился водопроводъ, была для нась прямо кошмарной.

Госпиталь Л., когда-то образцово поставленный, превратился въ клоаку. Самъ Л., дѣльный, опытный хирургъ, былъ смѣщенъ съ должности главнаго врача и изведенъ въ рангъ младшаго ординатора. А главнымъ врачомъ былъ назначенъ какой-то хирургический недоносокъ, не подиускавшій Л. къ операционному столу.

Небольшая горсточка неслужилаго польского населенія въ Минскѣ держалась дерзко и вызывающе, кстати и некстати подчеркивая, что они хозяева. Какъ-то во время одного благотворительного уличаго сбора къ бабкѣ подошли на улицѣ сборщики съ такой рѣчью:

— Въ виду того, что вы пользуетесь гостепріимствомъ Польши, вы, надѣемся, не откажетесь что-нибудь пожертвовать.

— На хорошее дѣло я привыкла жертвовать, не считаясь съ эгоистическими мотивами, отвѣтила бабка.

* * *

*

На второй недѣлѣ пребыванія въ Минскѣ я увидѣлъ на главной улицѣ афишу о спектаклѣ артистовъ Художественнаго театра К—нина и Б—авскаго. Я такъ обрадовался, что сейчасъ же побѣжалъ знакомиться съ ними. Оказалось, что они выѣхали изъ Москвы на недѣлю позже насъ и проѣхали тѣмъ же путемъ, какъ и мы. Подъ Новый Годъ мы сидѣли за сосѣдними столиками и совершенно не подозрѣвали о томъ, что скоро встрѣтимся въ Минскѣ. Съ К—нымъ мы довольно быстро дружески сошлись и продѣлали вмѣстѣ путь до Варшавы. Полтора мѣсяца прожили вмѣстѣ въ Варшавѣ и встрѣтились позже въ Берлинѣ.

Въ Минскѣ мы прожили шесть недѣль. Во-первыхъ, не хотѣлось бросать незаконченнымъ начатый курсъ лекцій, который студенты слушали съ большимъ интересомъ. Во-вторыхъ, прямое пассажирское сообщеніе съ Варшавой было прервано сначала на десять, а потомъ на двадцать дней, и приходилосьѣхать въ объездъ на Вильно. Мы все ждали, когда оно возобновится. Но и черезъ двадцать дней оно не возобновилось и намъ пришлосьѣхать на Вильно.

Чтобы покончить съ Минскомъ, разскажу тебѣ пару характерныхъ для Польши эпизодовъ. Когда я бралъ пропускъ и обратился по-русски къ канцелярскому служителю, выдававшему бланки, тотъ многозначительно и удивленно спросилъ:

— Палъ не мувитъ по-польски и想要ѣхать до Варшавы?

— Что жъ дѣлать, отвѣтилъ я. Я былъ въ Лондонѣ, не говоря по-англійски, въ Гельсингфорсѣ, не говоря по-фински, въ Константинополѣ, не говоря по-турецки, въ Афинахъ, не говоря по-гречески, и въ Венеціи, не говоря по-итальянски. И не погибъ. Авось, не погибну и въ Варшавѣ. Тѣмъ болѣе, что въ Варшаву я єду не въ первый разъ.

Для за три до отѣзда, мы пошли съ К—нымъ къ начальнику станціи просить спальныхъ мѣсть до Вильны. Отрекомендовались. Тотъ принялъ насъ изысканно любезно и обѣщалъ оставить пять мѣсть — три дамскихъ и два мужскихъ. Взять ихъ мы должны были за часъ до отхода поѣзда. Когда мы пришли за билетами, онъ протянулъ намъ пять карточекъ и очень любезнымъ тономъ пояснилъ:

— Пять спальныхъ мѣстъ въ коридорѣ. Для дамъ сидячія, а для мужчины стоячія.

Я объѣздилъ всю Европу. Но стоячія спальные мѣста видѣлъ только въ Польшѣ.

Мы устроились на чемоданахъ въ коридорѣ. А тебя уложили на свободный диванъ въ купѣ и съ тобою прикурнула мать. Свободныхъ дивановъ было много, но занимать ихъ, во избѣженіе скандала, мы не стали. Часа черезъ два въ купѣ вошелъ офицеръ, которому было оставлено мѣсто. Мать начала, было, тебя будить, но офицеръ милостиво разрѣшилъ вамъ остаться. Мать пристроилась въ уголку и взяла тебя на колѣни. А офицеръ вытянулся на диванѣ и захрапѣлъ.

* * *

Въ Вильнѣ насъ постигла большая неудача. Хотя въ Минскѣ пропуски и выдавались до Варшавы, но въ Вильнѣ ихъ нужно было визировать въ жандармеріи, для чего приходилосьѣхать черезъ весь городъ. Г-жа К—на, слегка говорящая по-польски, рѣшила попытаться визировать ихъ у вокзальныхъ жандармовъ. Я былъ противъ этого, она пошла одна со своими пропусками, и черезъ десять минутъ вернулась съ визой.

— Пойдемте, я устрою и вамъ, пригласила она.

Я сдуру согласился и мы пошли. Но офицеръ, давшій ей пропускъ, уже ушелъ, а его замѣститель заупрямился и велѣлъ обыскать наши вещи. Когда дѣло дошло до моихъ рукописей, онъ заявилъ, что не береть на себя отвѣтственности и долженъ отправить рукописи въ контрь-развѣдку. Я тщетно возражалъ ему, что рукописи были просмотрѣны трижды: на позиціяхъ, въ Смолевичахъ и въ Минскѣ.

— Если бы у васъ на пропускѣ былъ штемпель Минской контрь-развѣдки, я пропустилъ бы васъ, а безъ него не могу.

Впослѣдствіи я досмотрѣлся, что хотя штемпеля и не было, но въ текстѣ пропуска значилось, что онъ выданъ съ разрѣшеніемъ контрь-развѣдки за такимъ-то номеромъ. Офицеру же было лѣтъ прочитать пропускъ. Въ концѣ концовъ, меня посадили на извозчика и отправили съ конвойнымъ въ контрь-развѣдку. Тамъ меня задержали съ 11 ч. до 5 ч. въ ожиданіи начальника. Послѣдній явился сильно на веселѣ, распространяя вокругъ себя запахъ водки, и съ маxу объявилъ мнѣ, что я арестованъ, что въ Варшаву меня не пустятъ и павѣриое отправлять обратно въ Россію. Съ большимъ трудомъ удалось убѣдить его разрѣшить намъ остановиться въ гостиницѣ. Угрозы отправить обратно я не испугался, ибо достаточно хорошо ознакомился съ психологіей польскихъ властей, чтобы понять, что это только очередное издѣвательство. Меня беспокоило одно — какъ бы онъ не вздумалъ оставить у себя рукописей. Дѣло въ томъ, что уѣзжая изъ Минска, я рѣшилъ, денегъ больше не показывать и задѣлать ихъ въ переплетъ бювара, который оказался съ рукописями. Но дѣло обошлось благополучно. Получивъ разрѣшеніе на прописку въ гостиницѣ, и давъ подпись о невыѣздѣ, я забралъ рукописи и безпрепятственно выбрался изъ канцеляріи. Извозчиковъ не было. Тяжелыя панки оттягивали руки, и я почти рысью бѣжалъ къ вокзалу по пустой, почти не освѣщенной

улицѣ окраины города, боязливо оглядываясь, какъ бы меня не ограбили. Случись это, мы остались бы нищими въ двухъ смынахъ бѣлья.

Поѣздъ на Варшаву съ К—ными ушелъ. А бабка и мать сидѣли на вокзалѣ сами не свои, не зная, что думать о моемъ исчезновеніи. Ноѣхали въ городъ, и на этотъ разъ намъ повезло: мы нашли два хорошихъ, почти европейскихъ, номера.

Зная, что въ Вильно открыть университетъ, я съ утра отправился къ ректору, каковымъ оказался петроградскій хирургъ З—ій. Выслушавъ мои злоключенія, онъ улыбнулся угрозѣ отправить меня въ Россію и написалъ, кому слѣдуетъ, обо мнѣ письма. Тѣмъ не менѣе мнѣ пришлось просидѣть въ «почекальнѣ» контрь-развѣдки еще два дня и еще два дня любоваться правами освобожденной Польши. Съ утра до вечера тамъ толпились евреи, приходившіе хлопотать объ освобожденіи арестованныхъ родственниковъ. О томъ, какъ съ ними обращались, я предпочту умолчать: ужъ очень омерзительно переживать все сначала. Со многими изъ нихъ я разговаривалъ, и они горько жаловались на безобразія, творимыя польскими жандармами. Никто не зналъ, за что арестованы родственники. Большинство было схвачено на улицѣ ни съ того, ни съ сего. И сидѣли они въ тюрьмѣ недѣлями.

Къ вечеру второго дня начальникъ контрь-развѣдки потребовалъ меня передъ свои, помутившіяся отъ водки, очи и объявилъ мнѣ, что я могуѣхать дальше.

Вильно въ то время переживала кризисъ мелкихъ денегъ. Получить въ лавкѣ сдачу со 100 марокъ было почти невозможно. На дорогу же достать мелочи было необходимо. И я, зная, что склонность къ издѣвателству надъ слабѣйшимъ всегда сопутствуетъ въ характерѣ привычкѣ пресмыкаться передъ сильнѣйшимъ, рѣшилъ снахальничать. Зашелъ въ Государственный Банкъ и, пользуясь тѣмъ, что у меня недурной французскій выговоръ, разыгралъ француза, прося размѣнить двѣстѣ марокъ. Кассиръ побѣжалъ къ начальству, оба подошли къ окошечку и, пыжась изо всѣхъ силъ, на невообразимомъ французскомъ языкѣ стали извиняться, что могутъ размѣнить только сто марокъ.

* * *

Поѣздъ отходилъ въ пять часовъ вечера. Спальныя мѣста расписывались за 3—4 педѣли впередъ и думать о нихъ было нечего. Мы много наслышались объ ужасахъ предстоящаго путешествія, но то, что намъ пришлось пережить до Варшавы превосходить всякое воображеніе, даже совѣтское. Мы взяли билеты второго класса и я обѣщалъ носильщику изрядное вознагражденіе, если онъ сумѣеть достать намъ приличныя мѣста. Онъ забралъ вещи и сказалъ, что на платформу онъ выйдетъ другими дверями и что мы найдемъ его около вагона II класса. Подошелъ поѣздъ, охраняемый вооруженными солдатами. Я спросилъ ихъ, гдѣ II классъ.

— Вотъ, указалъ онъ на III-ій.

— Это же III-ій.

— Другихъ нѣть, всѣ сгорѣли.

На дебаркадерѣ была огромная толпа и у каждой дверцы вагона образовалась очередь. Стали рѣ очередь и мы. Носильщика не было. Скоро

дверцы открыли, толпа нась смяла и мы остались и безъ мѣста, и безъ носильщика. Не получивъ мѣсть, я рѣшилъ разыскать хоть вещи и побѣжалъ вдоль дебаркадера.

— Баринъ, баринъ, куда вы пропали? Я занялъ три мѣста, раздался изъ вагона голосъ носильщика.

Онъ выглядывалъ въ дверь вагона II класса, сидя на нашихъ чемоданахъ. Я побѣжалъ за вами, но пока мы пришли, два мѣста у носильщика отбили и осталось только одно. На немъ устроилась мать съ тобой, а мы съ бабкой остались стоять между скамьями. Купэ было съ боковой дверью и между скамьями кромѣ нась стояло еще три человѣка. Минутъ черезъ пять къ намъ заглянулъ кондукторъ и сказалъ, что рядомъ пустое купэ I класса. Кто желаетъ доплатить, можетъ перейти. Мы бросились туда, но удалось захватить только два мѣста. Перешли бабка, мать и ты, а я остался сидѣть во второмъ классѣ. Когда поѣздъ отошелъ, въ нашемъ семимѣстномъ купэ было двѣнадцать человѣкъ. Съ первыхъ же станцій поѣздъ началъ осаждаться солдатами. Они лѣзли во все вагоны съ огромными мѣшками за спинами, съ ружьями, патронташами и прочей амуниціей. Одинъ такой навьюченный солдатъ занималъ мѣста столько, сколько три обыкновенныхъ человѣка. А ихъ въ наше купэ набилось очень скоро душъ пять. Каждая посадка такого солдата сопровождалась неимовѣрнымъ скандаломъ, публика запирала дверь и кричала ему:

— Въ войсковый вагонъ!

А онъ начиналъ колотить прикладомъ въ стекло. Рискуя остаться съ выбитымъ окномъ (морозъ стоялъ около 20 гр.), пассажиры открывали дверь и онъ, сбивая всѣхъ съ ногъ, вваливался въ вагонъ.

Въ Гродно на вокзалѣ творилось нечто невообразимое. Поѣздъ брался приступомъ, и па вокзалѣ стоялъ положительный ревъ. За нѣсколько минутъ до отхода поѣзда въ наше купэ вошелъ комендантъ и, заявивъ, что офицерамъ нужно два мѣста, потребовалъ, чтобы я и мой сосѣдъ перешли въ другое купэ. Спорить не приходилось. Но войти въ другое купэ было почти немыслимо и я сказалъ ему, что я останусь стоять.

— Алле прошу наца, закричалъ комендантъ и ухватилъ меня за воротникъ. Я едва успѣлъ захватить свертокъ съ рукописями и деньгами и очутился на платформѣ. Тамъ творился настоящій адъ. Всѣ двери вагоновъ были заперты изнутри, и въ нихъ, отчаянно ругаясь, ломилась толпа штатскихъ людей и сверхъ мѣры навьюченныхъ солдатъ. Я вскочилъ на подножку вашего купэ, прижавъ животомъ къ стѣнкѣ вагона рукописи и ухватившись одной рукой за поручень, а другой неистово барабания въ окно. Поѣздъ тронулся и я остался висѣть. На мое счастье выглянула бабка, разсмотрѣла, кто стучитъ, и меня впустили. Войти я не могъ, ибо въ пятимѣстномъ купэ было уже двадцать два человѣка съ очень большими багажемъ и на полу не было мѣста, куда можно было бы поставить ногу. Меня втащили на чьи-то колѣни. У бабки на колѣняхъ сидѣлъ навьюченный солдатъ. Ты лежалъ въ узенькой щели между двумя чемоданами, головой внизъ и неистово колотилъ ногами чью-то спину, крича:

— Не мѣниай Лодкѣ!

Въ вагонѣ было не меньше 30° Р., но мы все были въ шубахъ, ибо снять ихъ за тѣснотой не было возможности. Прошло съ полчаса, и за отсутствіемъ кислорода началъ тухнуть газъ. Распахнули дверь и въ купэ ворвался

свѣжій морозный воздухъ. Газъ разгорѣлся и стало возможно дышать. Такъ мыѣхали всю почь, открывая каждые полчаса дверь и заставляя температуру купѣ все время скакать на 50° вверхъ и внизъ.

* * *

*

Въ Варшаву прѣхали часовъ въ 9 утра. Я сейчасъ же побѣжалъ по адресу знакомыхъ К—на. Оказалось, что онъ съ женою живетъ въ гостиницѣ въ одномъ номерѣ съ двумя почти незнакомыми дамами, пріютившими ихъ. О томъ, чтобы достать номеръ или комнату, и думать было нечего. И я рѣшилъѣхать въ Жирадовъ, куда имѣлъ отъ одного Минскаго врача рекомендательное письмо къ его родственникамъ, П—амъ. Ихъ было три брата — старшіе фабриканты и младшій военный врачъ, оказавшійся моимъ ученикомъ. Это была хорошая трудовая еврейская семья. Начали они изъ ничего и развили собственнымъ горбомъ большое текстильное дѣло. Но война ихъ совершило разорила. Фабрика стояла и старшіе братья открыли небольшое заведеніе минеральныхъ водъ, чѣмъ они и жили. Въ Жирадовъ мы прѣхали около четырехъ часовъ и сейчасъ же начались поиски квартиры. Прежде всего мы отправились въ гостиницу фабрики Гилле и Дитрихъ. Тамъ наскѣ встрѣтилъ толстый, важный полякъ въ венгеркѣ. Выслушалъ и коротко отреѣзаль:

— Свободныхъ комнатъ нѣть.

— Подлецъ! сказалъ мнѣ, выйдя на улицу, П. Вѣдь я же навѣрно знаю, что у него нѣть ни одного жильца.

Оттуда прошли въ ужасающую, еврейскую гостиницу, гдѣ удалось достать комнату съ тремя кроватями, тремя стульями и однимъ столикомъ. На стѣнѣ не было даже гвоздя, чтобы повѣсить платье. Одно стекло въ окнѣ было выбито. Но мы такъ измучились за дорогу, что ни о чѣмъ не думали, и у всѣхъ было одно желаніе — лечь и заснуть. Подъ утро у бабки начался астматический припадокъ — она простудилась въ вагонѣ. Шестичасовымъ поѣздомъ я поѣхалъ въ Варшаву за адреналиномъ, который однѣ только и облегчать ея припадки. И потянулись кошмарные дни. Она сидѣла скрючившись на отвратительной постели, не въ силахъ двинуть ни рукой, ни ногой. Въ комнатѣ была непстовая грязь, въ разбитое окно дуло. Ты томился и шкодилъ съ утра до ночи...

На четвертый день ей стало немного лучше и стало возможно думать о переѣздѣ. Я пошелъ къ директору фабрики Гилле и Дитрихъ, отрекомендовался другомъ одного изъ прежнихъ директоровъ А., живущаго въ Берлинѣ, и просилъ помочь мнѣ въ пріисканіи комнаты. Онъ позвалъ чиновника и велѣлъ проводить меня въ фабричную гостиницу. П. оказался правъ: она стояла пустая, и мы вечеромъ перѣхали, занявъ двѣ комнаты. Но тамъ оказалось немногимъ лучше, чѣмъ въ нашей гостиницѣ. Д-ръ П. скоро подыскалъ намъ двѣ приличныя комнаты въ семье и черезъ недѣлю, когда бабка совсѣмъ поправилась, мы туда перѣхали и зажили своимъ хозяйствомъ.

Въ Жирадовѣ мы прожили шесть недѣль. Съ первыхъ же дней жизнь сложилась такъ, что я съ утра уѣзжалъ въ Варшаву по дѣламъ и прїезжалъ въ 5—6 часовъ вечера. А дѣла у меня были слѣдующія. Я вывезъ изъ Москвы краткосрочные обязательства и мнѣ нужно было обратить хоть

часть ихъ въ польскія марки. Это оказалось пелегкимъ дѣломъ. Во вторыхъ нужно было получить разрѣшеніе на выѣздъ въ Германію. А это, пожалуй, было еще труднѣе.

На второй или третій день по прїѣздѣ я переходилъ Іерусалимскія аллеи, направляясь къ вокзалу.

— Профессоръ Д.! услышалъ я вдругъ позади окликъ.

Оглянулся и вижу, ко мнѣ бѣжитъ, подобравъ тяжелую кавалерійскую саблю, блестящій польский офицеръ.

— Батюшки, подумалъ я, сейчасъ скажеть, что я арестованъ и что меня завтра отправятъ къ большевикамъ.

Но оказалось совсѣмъ другое. Въ блестящемъ гвардейцѣ я наслу узпаль бывшаго своего фельдшерскаго ученика С. Онъ прослужилъ у меня въ военномъ госпиталѣ пѣсколько мѣсяцевъ. Я очень цѣнилъ его, какъ интеллигентнаго человѣка, звалъ по имени и отчеству и не мѣшалъ ему жить на частной квартире, что уставомъ воспрещалось. Добра никакого я ему не дѣлалъ, но жизни не отравлялъ и относился къ нему по-человѣчески. Оказалось, что за такое вполнѣ естественное отношение онъ очень привязался ко мнѣ и обрадовался мнѣ, увидѣвъ меня въ Варшавѣ, какъ родному. Онъ служилъ въ конвоѣ президента республики, а отецъ его занималъ видное положеніе въ министерствѣ путей сообщенія. Онъ затащилъ меня къ себѣ и я провелъ не одинъ пріятный вечеръ въ этой хорошей семье, щедро отплатившей мнѣ за то немногое, что я сдѣлалъ для ея любимца. До сихъ поръ я вспоминаю съ удовольствіемъ одну характерную картинку. Жирардовскій жандармскій вахмистръ началъ меня притѣснять. Когда молодой С. узпалъ обѣ этомъ, онъ сказалъ:

— Завтра я къ вамъ заѣду, и мы все уладимъ.

На другой день онъ, гремя своей саблей, вошелъ со мною въ канцелярію и отрекомендовалъ меня, какъ своего давнишняго друга. Вахмистръ недобѣрчиво взглянулъ на него и попросилъ его предъявить свои документы. Тотъ небрежно выкинуль на столъ билетъ съ печатью Бельведерскаго дворца. Вахмистръ, увидя печать, такъ и расплылся и послѣ этого, встрѣчаясь со мною, онъ стать очень почтительно отдававть мнѣ честь.

* * *

Какъ я тебѣ сказалъ, мнѣ ежедневно приходилосьѣздить въ Варшаву. Уѣзжалъ я раннимъ поѣздомъ, ибо до Варшавы было два часаѣзды. Съ этимъ же поѣздомъѣхали спекулянты, главнымъ образомъ евреи. Спекулировали они преимущественно хлѣбомъ, который въ Варшавѣ былъ почему-то вдвое дороже, чѣмъ въ Жирардовѣ. На вокзалѣ былъ строжайший контроль. У будки, гдѣ провѣрялись билеты при выходѣ на перронъ, всегда стояла пара солдатъ съ ружьями, которые тщательно осматривали багажъ, не оставляя неоткрытымъ ни одного чемодана, ни одного мѣнника. Ежедневно я былъ свидѣтелемъ, какъ они задерживали двухъ-трехъ евреекъ съ запретнымъ товаромъ, — десяткомъ яицъ или парой фунтовъ хлѣба, — поднимавшихъ пеистовый крикъ на всю станцію. А входя въ вагонъ, я видѣлъ неизмѣнно одну и ту же картину: всѣ сѣтки для багажа были завалены хлѣбомъ, лежащими въ вагонѣ совершенно открыто. Въ Варшавѣ хлѣбъ

этот продавался на подъездѣ вокзала и спекулянты первымъ же поѣздомъ возвращались въ Жирадовъ.

Приѣхавъ въ Варшаву, я забѣгалъ на минутку къ К—нымъ, которые жили у самаго вокзала, а потомъ шелъ продавать свои «коротышки». На официальной биржѣ онѣ совсѣмъ не котировались, и это явилось для меня болѣшимъ ударомъ, ибо въ биржевыхъ дѣлахъ я былъ совершеннымъ профапомъ и очень боялся оказаться обобранымъ. Къ счастью я встрѣтился случайно съ двумя московскими биржевиками, которые вошли въ мое положеніе и взялись мнѣ помочь. Они посовѣтовали мнѣ, запросить телеграфно А. въ Берлинѣ о цѣнѣ этихъ бумагъ. Я еще былъ настолько проникнутъ совѣтской психологіей, что открылъ ротъ.

— Телеграфировать о такомъ дѣлѣ? Да развѣ это мыслимо?..

Они отъ души расхохотались и тутъ же составили мнѣ телеграмму. Отвѣтъ пришелъ черезъ день. Онъ былъ кратокъ, но категориченъ: бумага не котируется. Я былъ совсѣмъ убитъ. Когда я уѣзжалъ, я думалъ, что вывожу съ собою сумму, которая обеспечить насъ лѣтъ на десять. А по цѣнамъ подпольной биржи выходило, что моихъ коротышекъ едва ли хватить на годъ. Мои биржевики предложили меня свести съ подпольной биржей, посовѣтовали выждать недѣли двѣ, наблюдая ежедневно за курсомъ, и, во всякомъ случаѣ, избавиться отъ бумагъ въ Варшавѣ. И вотъ я попалъ въ совершенно невѣдомый мнѣ доселѣ кругъ спекулянтовъ. Собирались они въ кафе Люрсъ на Новомъ Свѣтѣ. Войдя въ кафе, я отыскивалъ какого-нибудь знакомаго и подсаживался за его столикъ. Начиналась бесѣда о царскихъ, думскихъ, краткосрочныхъ, каратахъ и проч., и проч. Подходили другіе биржевики. Забѣгали зайцы, исполнявшіе порученія биржевиковъ, которымъ вмѣсто привѣтствія подавались два пальца лѣвой руки. Публика была разношерстная. Среди нихъ имѣлись настоящіе биржевые врачи съ огромными брилліантами на пальцахъ и въ галстукахъ, съ увѣсистыми золотыми портсигарами. Толкался среди нихъ одинъ жандармъ изъ контрѣ-развѣдки, сообщавшій имъ свѣдѣнія о положеніи на «внутреннемъ фронѣ», который, какъ известно, имѣетъ огромное вліяніе на жизнь биржи. Было много русскихъ эмигрантовъ, попавшихъ сюда случайно и такъ же, какъ и я, застрявшихъ здѣсь. Они торговали чѣмъ придется. Особенно хорошо осталось у меня въ памяти одно утро, когда я сидѣлъ за столикомъ съ капитаномъ второго ранга балтійского флота, известнымъ московскимъ антикваріемъ изъ Леонтьевскаго переулка и ассистентомъ при кафедрѣ химіи въ одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ. Капитанъ второго ранга продавалъ чай-то домъ въ Москвѣ, национализированный большевиками, антикварій посыпалъ съ партіей брилліантовъ, а химикъ все свое будущее строилъ на старинной табакеркѣ, уверяя, что онъ имѣетъ документальное доказательство, будто изъ нея однажды изволилъ понюхать Людовикъ XIV.

Около двухъ недѣль провелъ я въ этой компаніи. Коротышки мон то поднимались, то опускались на два пфеннига. И я рѣшилъ произвести паконецъ чревосѣченіе. Посовѣтовавшись со своими биржевиками, я продалъ ихъ всѣ въ одинъ день. Въ Жирадовъ я приѣхалъ съ опустошенными карманами и тяжелымъ сердцемъ. Единственное, что меня утѣшало — это сознаніе, что мнѣ уже не нужноходить къ Люрсу.

Закончивъ денежныя дѣла, я принялъ хлопотать о визѣ въ Берлинѣ. Отправилъ А. телеграмму съ просьбой исхлопотать вѣзѣдъ, а самъ принялъ

за хлопоты о выездѣ. Это было не легко, ибо поляки очень косо и недружелюбно смотрѣли на тѣхъ, кто ѻдѣть въ Германію, и визы въ Германію были обставлеы всячими затрудненіями: нужно было пройти черезъ цѣлый рядъ учрежденій — контрь-развѣдку, генеральный штабъ, столичную полицію, министерство иностранныхъ дѣлъ и т. д. Короче, скажу тебѣ, что когда я прошелъ все это, двѣ страницы моего паспорта in quarto оказались заполнены польскими «пѣтушками» — это были все визы на выездъ. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ мнѣ очень помогли отецъ и сынъ С., которые самоотверженно сопровождали меня во всѣхъ хожденіяхъ по визамъ. Тамъ, гдѣ люди стояли въ очереди по 6—7 часовъ, они проводили меня съ задняго крыльца и устраивали дѣло въ одинъ моментъ. Я очень рекомендовалъ К—ну, воспользоваться любезностью С. и выхлопотать себѣ выездъ въ Германію. Но онъ почему-то очень боялся Берлина, ожидая тамъ большевистского переворота, и рѣшилъ ждать разрѣшенія ѻхать въ Парижъ. И онъ жестоко поплатился за это. Мы уѣхали въ Берлинъ, а онъ остался въ Варшавѣ и досидѣлъ до большевистского наступленія. Большевики подкатились къ Варшавѣ, а визы у него все не было. Онъ метался, какъ угорѣлый изъ консульства въ консульство и вездѣ получалъ отказы. Наконецъ онъ прослушалъ, что даетъ визы греческій консулъ. Бросился къ нему, получилъ визу; на основаніи ея ему дали проѣздную чешскую визу и онъ, наконецъ, выкатился въ Прагу и дальше въ Римъ. А въ Римѣ греческій консулъ, увидя его визу, посовѣтовалъ ему, ея никому не показывать, во избѣженіе недоразумѣній, ибо въ Варшавѣ въ то время греческаго консула не было. Визу же ему проставилъ какой-то проходи-мецъ, который, пользуясь всеобщей сумятицей въ Варшавѣ, заказалъ себѣ соотвѣтственныя печати и взималъ въ свою пользу плату за визы. Собралъ онъ такимъ образомъ не малую сумму, ибо за греческой визой валомъ валила убѣгающая отъ большевистского наступленія публика.

Въ своихъ хожденіяхъ по визамъ я ознакомился со столичными порядками въ Польшѣ. То, что я видѣлъ до сихъ поръ, я склоненъ былъ объяснять суполокою на фронгѣ, ибо и Минскъ, и Вильно были все-таки прифронтовой полосой. Я все думалъ, что въ столицѣ будетъ лучше. Увы! здѣсь было то же самое и своими организаціями талантами поляки мнѣ очень напоминали большевиковъ. Я какъ-то попалъ съ С—имъ къ ратушѣ и увидѣлъ всю площадь запруженнюю пародомъ.

— Это результатъ послѣдняго приказа, объяснилъ мнѣ С. Намъ не хватаетъ подвижного состава и рѣшено сократить пассажирское движение. Теперь билеты на вокзалѣ выдаются только имѣющимъ разрѣшеніе на поездку. Это все желающіе выѣхать изъ Варшавы. Но это, конечно, скоро будетъ отмѣнено.

Приказъ былъ дѣйствительно отмѣненъ. Но ратуша бралась приступомъ еще дній семь.

Войдя въ жирадовскую жизнь, я тоже столкнулся съ дезорганизаціей, которая била въ глаза вездѣ и во всемъ. Огромная фабрика Гилле и Ди-трихъ, спабжавшая когда-то всю Россію чудесными тканями, стояла почти безъ дѣла. Почти — я говорю больше изъ деликатности. Ибо фабрика дѣлала только дереву. Можетъ быть это было изъ-за недостатка сырья, а можетъ быть по другой причинѣ. Судить не берусь. Но могу сообщить тебѣ такой фактъ. На фабрикѣ былъ инженеръ пѣмецъ, котораго польскіе рабочіе

потребовали удалить и замѣнить полякомъ. Удалить нѣмца — удалили. А замѣнить его полякомъ не смогли, ибо нужного специалиста не нашлось. Въ концѣ концовъ дирекція придумала комиromиссный выходъ. Нѣмецъ поселился въ Варшавѣ и на фабрику не показывался, завѣдывая дѣломъ черезъ єздившаго къ нему ежедневно для распоряженія замѣстителя.

Въ одномъ домѣ съ нами помѣщалась комиссія по борьбѣ со спекуляціей. Это было тоже любопытное учрежденіе. Водили туда исключительно евреевъ. Одного приволокутъ съ десяткомъ яицъ, другого съ фунтомъ колбасы. Крику, бывало, не оберешься. Нерѣдко на улицѣ приходилось видѣть и такую картину. Рядомъ съ покрытой байковымъ одѣяломъ еврейкой важно выступаютъ два жандарма, лѣниво зѣвая по сторонамъ. Подъ байковымъ одѣяломъ ясно обозначены узлы съ товаромъ. Когда арестованная входитъ въ домъ, площадка лѣстницы оказывается запруженной толпой евреевъ. Всѣ обступаютъ конвойныхъ, которые начинаютъ пинками прочищать себѣ дорогу. А тѣмъ временемъ изъ толпы подъ одѣяло протягиваются руки и узлы перекочевываютъ подъ широчайшіе лапсердаки. Толпа постепенно рѣдѣеть и арестованная входитъ въ комиссию почти безъ всякихъ вещественныхъ доказательствъ своего преступленія. Комиссія работала во всю, а цѣны въ Жирадовѣ все росли и росли. За шесть недѣль нашего пребыванія тамъ нѣкоторые пищевые продукты вздорожали почти вдвое.

Мы часто говорили съ братьями П. о грядущихъ судьбахъ Польши и сходились на томъ, что полякамъ не подъ силу выполнить задачу организаціи могущественного государства и что Великая Польша — мертворожденное дѣтище мудрыхъ политиковъ Антанты. И одинъ изъ братьевъ очень мѣтко опредѣлилъ основную черту національного характера поляковъ.

— Что они могутъ сдѣлать, если въ нихъ нѣть ничего, кроме пыха? (пыхъ — по-польски значить темпераментъ).

* * *

На пятой недѣлѣ пребыванія въ Жирадовѣ отъ А. пришло извѣстіе, что мнѣ разрѣшено вѣзданіе въ Германію. Съ визой же бабки и матери встрѣтилось затрудненіе. Выѣзденныя визы были получены, сидѣть въ Жирадовѣ намъ надоѣло, и мы рѣшили переѣхать въ Познань. Тамъ имѣлось германское консульство, котораго не было въ Варшавѣ, а потому было удобнѣе хлопотать о вѣзданіе матери и бабки. С. устроилъ намъ спальныя мѣста (не стоячія, какъ въ Минскѣ, а настоящія) и мы доѣхали съ шикомъ. Въ Познани мы совершенно ожили. Это была настоящая, подлинная Германія, съ ея образцовой организаціей, съ европейскими гостинницами, съ хорошими магазинами, съ настоящимъ нѣмецкимъ пивомъ и съ цѣнами втрое ниже, чѣмъ въ Варшавѣ. Польшей въ Познани даже не пахло (я разумѣю частную жизнь, а не присутственная мѣста). На улицахъ отъ Польши были только пьедесталы памятниковъ безъ фигуръ, да переименованныя улицы. Что за мука была съ этими улицами! Новые названія существовали только на дощечкахъ. А адреса давались по старымъ. Ищешь, ищешь бывало Фридрихштрассе, а оказывается она совсѣмъ не Фридрихштрассе, а Почтовая улица. Или спрашиваешь, какъ пройти на улицу Марцинкевича, а спрошенный наморщить лобъ и думаетъ:

— Постойте, кажется Вильгельмштрассе теперь улица Марцикевича. Нѣть, улица Марцикевича — это Луизенштрассе, а Вильгельмштрассе — улица Адама Мицкевича. Кажется такъ. Направо третья улица.

Придешь, куда показано, и видишь дощечку: улица Стефана Баторія.

Побывалъ въ больницѣ. Порядки остались нѣмецкіе, но врачи оказались другіе. Прозекторомъ вместо мірового патолога-анатома, сидѣвшаго раньше въ Познани, я нашелъ молодого, совсѣмъ неопытнаго польскаго врача.

Познань до такой степени очаровала всѣхъ нась, что у меня явилась совершенно дикая мысль — попытаться устроиться во вновь открытому познанскому университету. По существу мысль была не совсѣмъ дикая. Ибо я отлично зналъ, что среди поляковъ есть только одинъ представитель моей специальности въ Варшавѣ, и что нѣмца поляки на кафедру непустятъ. Пошелъ къ ректору. Таковымъ оказался дѣльный гинекологъ нѣмецкой школы. Онъ очень одобрилъ мою мысль и посовѣтовалъ сходить къ министру. (Познань управлялась своимъ собственнымъ кабинетомъ министровъ.) Тотъ выслушалъ меня и спросилъ:

— На какомъ же языкѣ вы будете читать?

— Конечно на польскомъ. Я полагаю, что русскому можно овладѣть языккомъ очень быстро.

— Видите ли, мы полонизируемъ этотъ край. И мы вправѣ требовать, чтобы профессора наши не только владѣли польскимъ языккомъ, а и говорили на немъ безъ всякаго акцента. Иностранцу же этого добиться трудно.

Я вспомнилъ осиротѣвшій анатомическій театръ и отъ души пожалѣлъ этотъ цвѣтующій край, отданный мудрыми руководителями Антанты во власть польского «пѣтушка». Послѣ этого я побывалъ въ лабораторіяхъ вновь открытаго университета. Большинство ихъ ютилось въ подвалахъ чудеснаго королевскаго дворца. Замѣщеными оказались только нѣсколько кафедръ. Да и тѣ замѣщены были довольно своеобразно. Такъ, на кафедрѣ ботаники сидѣлъ фармацевтъ изъ Варшавы. Правда, по-польски онъ говорилъ безъ акцента.

Я много слышалъ въ Варшавѣ о враждѣ познанцевъ къ Германіи. Но въ городѣ, по крайней мѣрѣ, я этой вражды не видѣлъ. На улицѣ преобладала пѣмецкая рѣчъ. Въ магазинахъ тоже достаточно было заговорить по-пѣмецки, чтобы встрѣтить самое предупредительное отношеніе. Такъ, напримѣръ, благодаря пѣмецкому языку я легко доставалъ тебѣ молоко безъ карточекъ. А проявленіе враждебнаго отношенія къ полякамъ я видѣлъ весьма ясное. Такъ, напримѣръ, Познань, изобилующая пищевыми продуктами, установила таможенную блокаду Польши. Мигъ пришлось изъ-за визъ сѣѣздить обратно въ Варшаву и я былъ несказанно удивленъ таможенному досмотру между Познанью и Польшей. Досмотръ былъ настолько строгъ, что у моего сосѣда по купѣ познанцы отобрали фунгъ колбасы и полъ фунта конфетъ. Изъ этого путешествія я приведу тебѣ два красочныхъ эпизода. Когда я вошелъ въ вагонъ въ Познани, всѣ купѣ оказались запертыми и на нихъ висѣли билетики «резервировано». Публика столпилась въ коридорѣ. Была невѣроятная давка. Затѣмъ явился кондукторъ и началъ по очереди открывать купѣ, выпуская публику по своему выбору и принимая мзду. Кто не догадался уплатить, остался въ коридорѣ. Таможенный же досмотръ, о которомъ я только-что сказалъ, велся такъ.

Публику высадили изъ вагона и загпали съ вещами въ залъ, откуда по одному человѣку впускали въ смотровую. У дверей была неимовѣрная давка, визжали женщины, плакали дѣти. А по прилавку зала (это была прежняя русская таможня на границѣ Германии), возвышаясь надъ толпою, важно расхаживалъ со стекомъ въ рукахъ польскій жандармскій офицеръ и издѣвался надъ публикой. Публика отвѣчала негодующими криками. Къ чему сводился діалогъ, я не могъ разобрать, но съ устъ офицера то и дѣло неслось по адресу публики презрительное:

— Бы дло!

Діалогъ закончился для офицера довольно неожиданно. На прилавкѣ появилась штатская фигура и вѣжливо, но настойчиво попросила офицера пройти съ нимъ къ коменданту. Офицеръ смѣрилъ говорившаго презрительнымъ взглядомъ, откинулся весьма картиною назадъ и, небрежно помахивая стекомъ, освѣдомился, съ кѣмъ онъ имѣеть честь говорить.

— Депутать Сейма имя рекъ, былъ отвѣть.

Офицеръ какъ-то сразу, словно заводная кукла, перевелъ свой небрежный уклонъ назадъ и въ бокъ въ почтительнѣйшій поклонъ прямо впередъ, отдалъ честь и покорно сошелъ съ прилавка.

* * *

Въ Познани мы провели двѣ недѣли и отпраздновали Пасху. Вскорѣ послѣ прїезда установилась теплая весенняя погода. Мы пріодѣлись и цѣлые дни проводили на воздухѣ въ скверахъ и садахъ. Наша гостиница стояла на углу главной улицы и у насъ въ номерѣ былъ чудесный балконъ. Я очень любилъ сидѣть на немъ съ тобою и наблюдать, какъ все твое маленькое существо инстинктивно переполнялось радостью, ощущивъ впервые біеніе пульса культурной жизни. Подъ нами пробѣгали въ трехъ направленияхъ трамваи,ѣздили извозчики, катались велосипедисты, сновали пѣшеходы. Ты привѣтствовалъ радостнымъ визгомъ каждый трамвай, каждый велосипедъ, и оглядывался во всѣ стороны, крича:

— И тамъ вагончикъ! И тамъ вагончикъ!

Я никакъ не думалъ, чтобы двухлѣтній ребенокъ могъ такъ ярко воспринять уличную жизнь большого города.

Когда уладилось дѣло съ германскими визами, оказалось, что я зря таскалъ бѣдныхъ С—хъ по Варшавскимъ канцеляріямъ: варшавскія разрѣшенія для Познани не имѣли значенія и волынку пришлось начать сначала по Познанскимъ канцеляріямъ. Въ результатѣ паспортъ мой украсился новой серіей «пѣтушковъ». Наконецъ, всѣ формальности были выполнены, и мы могли проститься съ Польшей, Поѣздъ былъ почти сплошь заполненъ пѣмцами, бѣгущими отъ поляковъ. Какая разница была въ отношеніи ихъ къ намъ съ тѣмъ, къ чему мы привыкли въ польскихъ поѣздахъ! Черезъ полчаса тебя уже зналъ весь вагонъ.

— А, маленький русскій! привѣтствовали со всѣхъ сторонъ твою подвижную фигурку.

И когда узнавали, что эта фигурка выпивала въ Москву на тысячу рублей въ день молока, со всѣхъ сторонъ неслось удивленные:

— Donnerwetter! ..

Въ ихъ представлениі русскій рубль все еще оставался двумя марками и шестнадцатью пфеннигами.

Воть иаконецъ и граница. Поляки въ послѣдній разъ вытрясли наши чемоданы и карманы, въ послѣдній разъ жандармъ уставилъ на мои рукописи, словно баранъ на новыя ворота. Черезъ пять минутъ мы были уже на Германской территоріи. Чиповникъ быстро обошелъ вагоны, не раскрывъ ни одного чемодана, такой же быстрый осмотръ паспортовъ и — *Fertig! Absfahren!* ..

Черезъ пару часовъ мы слѣзали на Шарлоттенбургскомъ вокзалѣ, убранномъ зеленою и большими надписями «*Willkommen in der Heimat!*»

Надписи эти относились не къ намъ, но встрѣтившій насъ на вокзалѣ другъ мой А. такъ горячо и искренно обнималъ насъ, новые знакомые по вагону такъ дружески кивали намъ на прощаніе, что намъ казалось, будто и мы немногого причастны къ радушному пріему, будто и насъ привѣтствуетъ новая Родина.
